УДК 111.1::316 (045)

Н.Б. Полякова, В.В. Скобелева, О.В. Соколова, А.А. Шадрин, А.В. Ярков**«ПРОСТРАНСТВО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: КОНЦЕПТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»**

«Круглый стол» кафедры философии и гуманитарных дисциплин совместно с Удмуртским филиалом Института Философии и права УрО РАН (22 июня 2018 г.)

Работа 4-го круглого стола «Философия: герменевтика концептов» посвящена теме «Пространство гуманитарного знания: концепты и интерпретации». Представленная тема позволяет различать и рассматривать множество концептуальных построений, отправной точкой которых выступает проблема мышления, его оснований и способов самообнаружения. Выступление О.В. Соколовой обращено к началу психоаналитической традиции – психоаналитической концепции З. Фрейда, основным положениям психоанализа и понятиям психоаналитического дискурса. Концепт *бессознательного* раскрывается через обращение к понятию *ошибочного действия* и его ситуационным и языковым проявлениям. Возможность интерпретации смысла *ошибочного действия* реализуется в точке саморефлексии мышления, различающей артикулируемое и не артикулируемое в пограничных регистрах сознания, подсознательного и бессознательного. Предпринимается попытка переосмысления понятия *психической реальности* в аспекте её философской актуализации и/или экспликации. Психоаналитическая традиция понимается как способ дискурсивного предъявления структур мышления в пространстве конструируемой им реальности.

Ключевые слова: философия, мышление, концепт, смысл, интерпретация, психоанализ, бессознательное, ошибочные действия, симптом, конфликт, психическая реальность, язык.

Полякова Н.Б. – заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Здравствуйте, коллеги! Рада всех видеть и приветствовать за нашим круглым столом. Наш докладчик сегодня – Ольга Владимировна Соколова, её выступление посвящено проблематике психоанализа, психоаналитического дискурса и, в частности, возможностям интерпретации психоаналитической концепции З. Фрейда. Общая тема круглого стола: «Пространство гуманитарного знания: концепты и интерпретации». Конечно, заявленная тема предполагает более широкий ракурс рассмотрения, но проблематика психоанализа, безусловно в неё вписывается. Пожалуйста, Ольга Владимировна, слушаем Вас.

Соколова О.В. – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Прежде чем я начну, сделаю два предварительных замечания и затем, возможно, третье (в техническом порядке). Первое замечание следующее: вообще, последняя тема, которая меня волнует и является, собственно, предметом моей научной работы, это, конечно же, тема мышления. Мне интересны те формы, в которых определяет себя мышление, – формы самоопределения мышления. Т. е. я попытаюсь интерпретировать психоаналитический дискурс с абсолютно других позиций и показать, что у меня из этого получилось. И второе замечание: я хочу сказать спасибо моим студентам, ученикам, которые также проявили интерес к тому, чем я занимаюсь, и подвигли меня к чтению психоаналитических текстов. Это была давняя мечта – окунуться в психоанализ, не только в психоанализ Фрейда, но в концепции и других, не менее интересных персон психоанализа, или персонажей. И наконец-то мне представилась такая возможность. Поэтому я еще раз благодарю тех, кто меня, собственно, подвиг на чтение этих текстов. И третье замечание: я прошу всех простить меня, потому что – в связи с очень плотной занятостью – текст выступления писался наскоро, буквально в течение двух дней, и поэтому он, конечно же, еще не до конца выстроен. Некоторые положения прозвучат именно как положения, которые в дальнейшем, я надеюсь, будут развёрнуты. Итак, я, пожалуй, начну. Разрешите мне читать? Друзья, конечно же структуру я могу выстроить и на доске, но поскольку здесь публика подготовленная, и коллеги владеют материалом, позвольте мне просто читать. Я буду читать небыстро, останавливаться и что-то уточнять. Спасибо.

Я обращаюсь к З. Фрейду – к основным положениям психоанализа. Первое: психические процессы бессознательны. Второе: сексуальные влечения играют определяющую роль в возникновении нервных и психических заболеваний. Одновременно эти же сексуальные влечения участвуют в создании высших духовных и культурных ценностей человеческой цивилизации. В отношении того, что

именно «сексуальные влечения участвуют в создании высших духовных и культурных ценностей», я не объясняю в тексте, но думаю, что всем будет понятно, почему всё-таки именно сексуальное влечение оказывается в центре психоаналитических структур. Это объяснить достаточно просто, но я вернусь к этому чуть позже. И, собственно, введение в психоанализ начинается с очень интересной темы, которая как будто бы никакого отношения к психоанализу не имеет, – это проблема, или тема, ошибочных действий. Вообще очень странно, откуда берутся эти дурацкие ошибочные действия, как будто бы, повторяю, никакого отношения к психоанализу и психической реальности не имеющие. Итак, особое значение Фрейд придает так называемым «ошибочным действиям». Ошибочные действия включают в себя оговорки, очитки, описки, ослышки. Все ошибочные действия совершаются «случайно», но, как правило, в состоянии усталости, болезни и других плохо контролируемых сознанием состояниях, например, при головных болях. Безусловно, как говорит Фрейд, можно было бы все ошибочные действия «списать» на теорию отвлечения внимания. Но вопрос не только в том, почему произошло ошибочное действие, вопрос заключается в том, *какое* это действие: какая именно оговорка или какого содержания была эта оговорка. Почему человек оговорился именно таким образом, а не иначе? Это произошло случайно, произвольно? Или это всё-таки имеет какой-то смысл? Как выясняется при анализе ошибочных действий, все оговорки неслучайны, и при их интерпретации обнаруживается смысл. Оговорка оказывается полноценным психическим актом, имеющим свою цель, определенные форму выражения и значение. С оговоркой по смыслу сближается, или граничит, шутка. Вопрос состоит в том, какую функцию выполняет *оговорка*. Оговорка возникает внезапно, и порой даже сам оговорившийся смущается, так как это выглядит так, как будто он сделал что-то неприличное, т. е. то, что противоречит «нормам приличия», или ожидаемому языковому поведению. Что чему в этом случае противоречит? Речь есть языковой поток, который разворачивается в определенном направлении. Я должна была сейчас стоять у доски и рисовать этот поток, который у нас начинает разворачиваться. Его направленность регулируется определенными правилами языкового поведения, легитимированными, институционализированными и признанными членами общества. Эти правила инкорпорированы в сознание индивида. Языковые ситуации полностью соответствуют ожиданиям говорящих, потому что они четко осознаются. Т. е. понимание «без умысла» существует, потому что есть правила, по которым выстраивается тот или иной дискурс. Оговорка как бы нарушает эти правила. Чаще всего при оговорках все начинают смеяться, превращая оговорку в шутку и тем самым удерживая, сохраняя свое состояние как безопасное. Таким образом снимается угроза стабильному надежному ожидаемому существованию. Но у всех остается некоторый «осадок», который как бы «замалчивается», или подавляется, укрывается в памяти и предается забвению. Но только не самим говорящим! Этот «осадок» и есть то, что пытается прорваться «наружу» и предъявить себя. И если, по Фрейду, любая оговорка имеет смысл, то это может означать, что наружу прорывается мышление. Ведь эта оговорка имеет какой-то смысл, смысл же граничит с пространством мышления. Значит, в оговорках прорывается само мышление, прорывается – на языке психоанализа – в форме бессознательного. Мышление и бессознательное, – какая между ними связь? Сейчас я буду это разворачивать. В ошибочных действиях бессознательное проговаривает себя, и проговаривает как вполне осознанное и имеющее глубокий смысл. Но смыслом обладает только мышление! И здесь возникает вопрос: мышление бессознательно? Причем смысл любого ошибочного действия, будь то оговорка, очитка, описка и т.п., может либо признаваться самим говорящим, либо не признаваться, вообще отрицаться. Однако он есть, и он очевиден всем, кто находится «рядом». Смысл самодостаточен, существует сам по себе и курсирует в пространстве между говорящими и слушающими. Существование смысла зависит только от его актуализации. Актуализация ошибочных действий не просто неслучайна, а обнаруживает некую повторяемость и устойчивость. Тогда возникает вопрос: кому принадлежит мышление? Насколько оно индивидуально? Самое интересное возникает дальше. Если предположить, что ошибочное действие предъявляет мышления, а оно, в свою очередь, рефлексивирует ситуацию не только в настоящем, но и в прошлом (если она повторяема), то в этом случае мышление всегда как бы пытается прорваться сквозь абсолютно нерелексивное повседневное существование человека и придать смысл его действиям в настоящем! Оно как бы намекает о своем существовании, повторяется закономерно и постоянно, тревожит человека и, наконец, прорывается в зону «сознания». Т. е. мышление всегда «уже-знает» то, чего всегда ещё-не-знает сам индивид. Фрейд указывает на то, что «психическая ситуация нам неизвестна или недоступна нашему анализу». Она становится явной только тогда, когда начинается собственно процесс интерпретации. А интерпретация начинается с «обналичивания» ошибочного действия. Если ошибочные действия имеют смысл, то они являются

способом предъявления мышления. Необходимо сделать еще одно дополнительное замечание: все ошибочные действия, в том числе «случайные», «симптоматические» действия всегда являются «излишними», или избыточными. Т. е. они не вписываются в логику рациональности. Они как бы «иррациональны» в системе повседневных прагматичных действий индивида. И тогда возникает предположение, что мышление иррационально. Я останавливаюсь на тех моментах, в отношении которых, думаю, у вас также могут возникнуть определенные вопросы. Если основу психоанализа З. Фрейда задаёт утверждение, что ошибочные действия имеют смысл, – цитата: «ошибочные действия имеют смысл – это мы и возьмем за основу наших дальнейших исследований», – это означает, что психоанализ работает, собственно, со структурами самого мышления. Дальше – больше! Как правило, «ошибочное действие представляет собой конфликт между двумя несогласованными стремлениями». Это цитата. Теперь моё утверждение: язык ошибочных действий всегда имеет противоположное значение тому значению в языке, которое является общепринятым, признанным и нормативным. Ошибочное действие как бы подвергает сомнению то, что представляется перформативно как оно и должно быть, и ожидается. Т. е. поток сознания должен быть прерван или остановлен... сознание! Но мышление и сознание – далеко не одно и то же... Необходимо, чтобы «включилось» мышление. Заданный поток прерывается «помехой». «Помеха» – тоже термин Фрейда. Языковой поток как бы нарушается, происходит «соскальзывание» языка в бессмыслицу, поскольку оговорка «похожа» на бессмыслицу, сравнима с ней. Причем сознание как бы удивляется этой «ошибке» («да нет, я случайно это сказал, не знаю, как это вышло»), останавливается и пытается объяснить данное ошибочное действие. Начинается процесс интерпретации, который, собственно, и открывает точку входа мышления. «Помеха», по сути, это только момент объективации мышления в точке встречи двух потоков: сознательного, артикулируемого в потоке настоящего; и бессознательного, неартикулируемого в потоке настоящего. Это и есть предсознательное, которое появляется в потоке сознания, но всё ещё не является промысленным или получившим интерпретацию. Оно появилось, но появилось не там, где возникло. Встреча потоков сознания и бессознательного локализована в пространстве «Я», но «Я»-сознательному еще не принадлежит. Нужно чётко различать, что понимание реализуется исключительно в пространстве интерпретации, или языковом пространстве. Наличие ошибочных «действий» сохраняет динамику развития мышления. Но здесь возникает абсолютно закономерный вопрос: да, есть потоки сознания и бессознательного, которые встречаются друг с другом, но откуда берется само движение, или динамика этого процесса? И здесь мы обнаруживаем удивительную вещь: говорящий должен озвучить то, что уже должно присутствовать в структурах сознания. Если это не так, то человек должен превратиться в роботизированного киборга и выдавать одну и ту же языковую программу. Человек лишь озвучивает случайно то, что у него уже есть как еще не-озвученное, но готовое прорваться наружу. Говорящий как бы оттесняет то, что не должно быть озвучено и услышано другими. Он тоже как-то понимает на каком-то пред-сознательном уровне, что это не должно быть озвучено, но это прорывается. Т.е. оно подавляется, и в тот момент, когда сила подавления становится критической, прорывается вовне в форме ошибочного действия. Процесс оттеснения и подавления и вызывает внутреннюю динамику психической деятельности. Сам динамизм, на мой взгляд, Фрейд выражает в понятии «намерение». Неслучайно он вводит и количественные измерения энергии неврозов. Цитата: «только динамического понимания этих душевных процессов недостаточно, нужна еще экономическая точка зрения». Т.е. тут возникает понятие силы, вот я о чём. Фрейд отождествляет ошибочное действие с полноценным психическим актом. Подтверждением вышеизложенного понимания концепции Фрейда является структура симптома. Симптом, как и ошибочное действие, – бесполезный акт, который вызывает неприятные эмоции страдания. Человек страдает от того, что несет энергетические затраты и отвлекается от решения основных жизненных задач, бесполезно растрачивает энергию на отрицательные эмоции, теряя время на реальное удовлетворение своего либидо. Все понимают, что либидо – это энергия. Симптом, как и ошибочное действие, является избыточным по отношению к нормальной деятельности индивида. Какова структура возникновения симптома? Симптом является результатом конфликта. Что имеется в виду под понятием «конфликт»? Конфликт – это опять же результат встречи двух противодействующих сил. В данном случае первой силой является либидо, которое ищет своего удовлетворения, второй – поток, организованный «Сверх-Я», культурой, или языком. Энергия либидо встречает мощное сопротивление «Я», сформированного воспитанием. Сталкиваясь с отпором, либидозный поток отступает и разворачивается в обратном направлении. Эта динамика блестяще расписана самим Фрейдом, она там есть. Тем самым либидозный поток «ускользает» от влияния «Я», которое, собственно, и задало ситуацию вытеснения. Конфликт

исчерпан, но его результатом стал *симптом*. Вытесненное желание не может находиться в статическом состоянии, оно продолжает о себе заявлять и прорываться наружу. Поскольку желание не удовлетворено в той форме, которая предполагалась, форма удовлетворения может измениться, и желание может быть снято в этой новой, но обязательно а-нормативной форме. И тогда конфликт как бы тоже исчерпан, но сознание «Я» будет продуцировать чувство вины за совершенное «преступное деяние» по отношению к «Сверх-Я». Т. е. всегда остается избыток, который сохраняет внутреннюю динамику психической жизни индивида. Поскольку вытесненное либидо находится в пространстве бессознательного, постольку мы можем говорить о встрече бессознательного и сознания в точке симптома, который нарушает статическое равновесие биологическо-энергетического существования и «включает» мышление человека. Топос симптома, захватывая как пространства бессознательного и сознательного, оказывается на границе, именуемой предсознательным. Предсознательное предлагает различные варианты предъявления бессознательного сознательному «Я». «Я», осуществляя цензуру, т. е. рефлексирова симптом, начинает мыслить. Но, как и в структуре ошибочных действий, в симптомах объективируется вытесненное желание, которое определяет все смыслы дальнейшего существования человека. Здесь вновь возникает любимый нами парадокс: сам симптом – абсолютная бессмыслица в структурах рационального поведения индивида, но он имеет абсолютный статус «смысла жизни» в структурах самоидентификации субъекта. Всем понятно? То есть бессмыслица – структура.

Скобелева В.В. – старший преподаватель кафедры журналистики ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук.

У нее есть смысл. У бессмыслицы есть смысл.

Соколова О.В. Этот смысл определяет самого индивида, потому что через этот симптом он, собственно, вообще существует как индивидуальность. Он сам себя постоянно определяет только через эту догматичность, симптомы и всё остальное. Потому что иначе бы это была одна программа. И всё.

Скобелева В.В. То есть «симптомизированный» мир такой...

Соколова О.В. Конечно, – симптом помогает индивиду предъявить себя.

Скобелева В.В. Собственную индивидуальность...

Соколова О.В. Совершенно верно, да. Так происходит самоидентификация индивида как субъекта, именно как субъекта. Потому что субъект мыслит (мыслится) в противодействии с инстанцией «Сверх-Я», понимаете? Таким образом, симптом – это точка входа и открытия мышления человека. Фрейд делает дальнейшие предположения, которые сегодня являются архиактуальными в среде нейрогенетиков, нейробиологов, нейропсихологов. Симптомы, как точки фиксации либидо, образуют внутреннюю историю существования человека. История здесь выступает как генетическая память, или наследственность, которая складывается из «инфантильных», или «доисторических переживаний» (термины, привлекаемые Фрейдом). Дальше Фрейд выскажет очень смелое и, как он сам отмечает, рискованное предположение о том, что прафантазии являются филогенетическим достоянием, что означает наличие генетической памяти, которая передается по наследству. А поскольку память – это свойство мышления, постольку мышление здесь выносится за пределы индивидуального существования и субъекту не принадлежит! Мышление полностью автономизируется, а человек становится способом его предъявления. Это рискованно. Это не доказано сегодня, но это рискованно. Но тогда мышление принадлежит роду и языку рода. Итак, структуры памяти и внутренней истории... Мышление как бы существует автономно и играет с нами, всё время иницируя процесс возвращения к нему через симптом. Это действительно возвращение, так как оно направлено в прошлое, т. е. всегда регрессивно (терминология Фрейда). И здесь нужно отдать должное Фрейду, который четко осознает, что история невроза – это сконструированная мышлением, прежде всего, языковая реальность, которая представлена в виде нарратива в психоаналитическом дискурсе. – «Если бы вскрытые анализом инфантильные переживания были всегда реальными, у нас было бы чувство, что мы стоим на твердой почве, если бы они всегда оказывались поддельными, разоблачались бы как вымыслы, фантазии больных, то нам нужно было бы покинуть эту колеблющуюся почву и искать спасения на другой. Но ни то, ни другое не соответствует истине, а положение дел таково, что сконструированные или восстановленные в воспоминаниях при анализе детские переживания один раз бесспорно лживы, другой раз столь же несомненно правильны, а в большинстве случаев представляют собой смесь истины и лжи» (З. Фрейд. Введение в психоанализ). Те же самые эффекты спутанности нескольких реальностей мы можем наблюдать в работе сновидений. Сгущение, по сути, и является наложением интерпретаций. Мышление предлагает решить головоломку из нескольких известных. Фантазмы сновиде-

ния бесконечно пролиферируются, усложняя условие задачи. И вы это знаете. Из своих собственных сновидений вы без труда вспомните о сгущении различных лиц в одно. Такое смешанное лицо выглядит как «А», но одето как «Б», совершает какое-то действие, какое, помнится, совершал «В», а при этом знаешь, что это лицо – «Г». Такой веер. Нормальное – бодрствующее – сознание подобные комбинации проворачивает с трудом. Но в сновидениях это выходит наружу, и это тоже мы. Это то, что не спрашивает у нас разрешения, явиться нам или не явиться. Оно работает само по себе. И с этим нужно что-то делать. Единственный выход – трансформировать работу сновидений в символические структуры и придать им смысл, или вытеснить их как бессмыслицу. Но никто не может гарантировать, что «Оно» не придет к вам в следующем сновидении и не потревожит вас вновь. Но когда мы пытаемся перевести «Оно» на язык «Я», возникает нарратив. Заданный нарратив превращается в фантазии, которые могут абсолютно не совпадать с реальной действительностью. И далее снова гениальное понимание Фрейдом того, что больной начинает переживать созданные фантазии как существующую реальность. Фантазии оказываются продуктом интерпретации того, что всё время ускользает от сознания индивида. Человек наполняет смыслом конструкты, созданные «Я». Цитата: «Эти фантазии обладают психической реальностью в противоположность материальной, и мы постепенно научаемся понимать, что в мире невротиков решающей является психическая реальность» (З. Фрейд. Введение в психоанализ). Это еще раз подтверждает, что психоанализ не имеет никакого отношения к биологии и не может фундаментализироваться биологическими или химическими основаниями. Что пишет Фрейд по этому поводу: «...Слова “сексуальный обмен веществ” или “химизм сексуальности” для нас не имеют содержания; мы ничего об этом не знаем и не можем даже решить, следует ли нам предполагать существование двух сексуальных веществ, которые назывались бы тогда «мужским» и «женским», или мы можем ограничиться одним сексуальным токсином, в котором следует видеть носителя всех раздражающих воздействий либидо. Созданное нами научное здание психоанализа в действительности является надстройкой, которая должна быть когда-нибудь поставлена на свой органический фундамент; но пока мы его еще не знаем» (З. Фрейд. Введение в психоанализ). Это та тематика, которой сегодня заняты нейропсихология, нейробиология и так далее. Они пытаются выстроить фундамент, о котором говорит Фрейд, но пока не получается.

Скобелева В.В. Пытаются рационально все обосновать...

Соколова О.В. Нет, биологически, химически, т.е. используя инструментарий этих наук. А это взаимоисключающие вещи.

Скобелева В.В. Да, понятно, что этим занимается нейробиология.

Соколова О.В. «Я» индивида следует принципу реальности, подавляя в себе либидозные энергии. И вновь возникает парадокс: подавление «Я» своих либидозных энергий иррационально. Человек, как и всякое живое существо, стремится к получению удовольствия. Но человеческое «Я» странным способом продуцирует то, что заведомо направлено против него. Амбивалентность преследует нас! Биологическое/социальное, бессознательное/сознательное и т.д. Но без этой раздвоенности не возникнет никакого движения. Биология на пределе будет оборачиваться мышлением. Предел биологического – то, о чём я говорила вначале, – заключен в сексуальном инстинкте, который одновременно является радикальным инстинктом к жизни, и он же (в своей амбивалентности) на пределе оборачивается инстинктом к смерти. Почему сексуальность в самом основании? Потому что так радикализуется инстинкт к жизни. Это просто основа всего, всей жизни, вот и всё. Сексуальный инстинкт в языке маркируется как сексуальное желание. Именно в этой точке, собственно, и начинается интерпретация и конструирование бесконечного множества фантазий. Желание продолжает настаивать, «Я» в ответ начинает его оттеснять и подавлять. Желание сопротивляется и объективируется в ошибочном действии, или симптоме, и продолжает сопротивление. Через интерпретации симптома мышление разворачивает себя и проговаривает собственные смыслы. Казалось бы, смысл симптома (или ошибочного действия) должен быть однозначным, поскольку он задается и определяется известной динамикой и количественными характеристиками либидо; ошибочные действия определяются намерением. Однако Фрейд отмечает следующее: «В самом материале часто заключено что-то такое, что руководит вами и уведит от первоначальных намерений. Даже такая незначительная работа, как организация хорошо знакомого материала, не вполне подчиняется воле автора; она идет, как хочет, и только позже можно спросить себя, почему она вышла такой, а не другой» (З. Фрейд. Введение в психоанализ). Почему-то получился такой текст, а не другой, и почему-то написан так, а не иначе. Этому есть объяснение. Мышление не совпадает и ни в коем случае не является тождественным сознанию. Сознание принадлежит «Я». Но «Я» только тем и занимается, что вытесняет бессознательное. Бессознательное же сравнимо с силой декартов-

ского сомнения. Оно как бы «мешает» сознанию, тревожит и «раздражает» его. Поэтому легко объяснимо то, что объективированный язык мышления не совпадает с тем языком, на котором говорит «Я» сознания. Но это означает, что мышление превышает сознающего субъекта. Но мы также должны понимать, что эта часть всей структуры находится не вне человека, а внутри него! Более того, она продуцируется самим субъектом через ее отрицание. Цитата: «...Я ни в коей мере не надежная и не беспристрастная сторона, совершенно очевидно. Ведь Я – это сила, которая отрицает бессознательное и сводит его к вытесненному, как можно верить ему в том, что оно будет справедливо к этому бессознательному? <...> С того момента, когда для нас начинает проясняться позиция вытеснения, мы должны также остерегаться того, чтобы не поставить судьей в этом споре одну из спорящих сторон, к тому же еще и победившую. Мы подготовлены к тому, что высказывания Я введут нас в заблуждение. Если верить Я, то оно на всех этапах было активным, само желало своих симптомов и создало их» (З. Фрейд. Введение в психоанализ). Т.е. сознание конституирует мышление через его отрицание. Чем сильнее сознание пытается избавиться от давления бессознательного, тем с большей силой возникает требование включить мышление! Более того, «Я» должно желать возникновения симптомов. – Сознание исчезнет, если его перестанет питать бессознательное. Если человека лишить сна, через несколько суток он погибнет. Вы в курсе, да. Тем самым мы возвращаемся к мышлению И.П. Павлова, – «собаке Павлова».

Скобелева В.В. Это известный эксперимент.

Соколова О.В. Да. – «Я, стремящийся к защите и выгоде, который в одиночку еще не создает болезнь, но санкционирует её и поддерживает, если она уже началась» (З. Фрейд. Введение в психоанализ). Человек начинает осознавать все выгоды от своей болезни. Например, известный ответ Дэвида Линча своему психоаналитику. На вопрос Линча о том, изменится ли его жизнь после сеансов психоанализа, психоаналитик дал утвердительный ответ: конечно же изменится. И тогда Линч предпочёл остаться гением, сохраняя свои проблемы, предпочёл тем изменениям, которые превратили бы его в самого обычного, ничем не примечательного индивида, транслирующего общепринятый стандартный язык «Сверх-Я». Линч сохранил в себе травматичного Другого, определяющего внутреннюю динамику процесса мышления. В этом случае мы наблюдаем преимущество невроза. Но затем Фрейд отмечает, что у невроза есть не только позитивная сторона. – «Поскольку невроз имеет преимущества, Я с ним согласен, но у него имеются не только преимущества» (З. Фрейд. Введение в психоанализ). Негативная сторона невроза связана с большим количеством неудовольствия. Невроз превращается в болезнь, динамика которой независима и/или автономна. Она также предъявляет границу между сознанием и бессознательным и может служить точкой «включения» мышления. Если мышление не «включается», болезнь трансформируется в «болезнь к смерти». Это кьеркегоровское понятие, и здесь движение к смерти также амбивалентно. Само движение всегда подразумевает под собой возможность выхода к мышлению, постигающему смысл человеческого существования. Я считаю, что Фрейд действительно совершил ту самую пятую цивилизационную революцию. Потому что если у Декарта мышление оказывается трансцендентным, оно принадлежит Богу и проговаривается через мыслящего субъекта, то у Фрейда структуры мышления трансформируются «внутри», т.е. отныне начинают принадлежать самому человеку.

Я заканчиваю. Мышление является внутренним феноменом человека, но не дано ему как очевидное. Оно всё время ускользает и отесняется, вытесняется, отторгается, подавляется, отвращается, но всё-таки принадлежит автономному субъекту! Мышление после Фрейда принадлежит субъекту. Сам Фрейд говорит о том, что психоанализ – это не описательная биология; психоанализ, по мысли Фрейда, – это «техника, при помощи которой он работает!» Техника психоанализа предполагает процессуальность её развёртывания, поэтому так сложно «уложить», «загнать» психоанализ в какую-либо объективированную научную систему. Психоанализ – не наука, и никогда ей не будет, психоанализ есть способ предъявления и самоопределения человеческой субъективности как мышления, где мышление проговаривается через структуры психической реальности. Тем самым психоанализ непосредственно граничит с философией, философским знанием, *сам* прочерчивает эту границу, граница же, как известно, не только разделяет, но связывает одно с другим. Эту связь я и хотела проследить и показать. Спасибо за внимание.

Яркеев А.А. – старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, кандидат философских наук, доцент.

Ольга Владимировна, в отношении оговорки у меня к Вам вопрос: почему психоанализ Фрейда – пятая революция? Насколько я помню, его традиционно определяют как третью коперниканскую революцию.

Соколова О.В. Да, я оговорила, – третья из пяти.

Яркеев А.А. Из пяти? А какая – пятая?

Соколова О.В. А революция Эйнштейна?

Яркеев А.А. Эйнштейн – это всё-таки отдельная тема, там другая «революционная ситуация».

Шадрин А.А. – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Значит, назрела необходимость выстроить революции. – Первая революция – это коперниканская революция, вторая – дарвинизм, третья – это Фрейд.

Соколова О.В. Я имела в виду «революции в целом».

Яркеев А.А. Если «в целом», то таких революций было немало.

Полякова Н.Б. В их число мы можем включить и революцию Канта. Можем добавить революцию Эйнштейна, реконструируя их как революции в мышлении.

Яркеев А.А. Да, конечно, но сам Фрейд говорит, что это третья коперниканская революция, которую он совершил.

Шадрин А.А. Я процитирую Жюль Делёза, его «Лекции о Лейбнице», где он говорит об очевидном, а именно о том, что «нововведение Фрейда – в том, что он мыслит бессознательное, – и тут я говорю нечто поистине элементарное, чтобы отметить колоссальную разницу: он мыслит бессознательное в отношениях конфликта, или оппозиции, с сознанием, а не в каких-то дифференциальных отношениях. Одно дело – бессознательное, выражающее дифференциалы сознания, и совсем другое дело – бессознательное, выражающее силу, противостоящую сознанию и вступающую с ним в конфликт» (Ж. Делёз. Лекции о Лейбнице). Т.е. Фрейдом чётко задаются два противоположных принципа – принцип удовольствия и принцип реальности, в точке несовпадения которых и обнаруживается наше «Я». Понятно, что здесь возникает конфликт, симптом является его результатом и т.д. Это то, о чём Вы говорили, Ольга Владимировна. У меня вопрос: что именно Вас заинтересовало, задело в концепции Фрейда?

Соколова О.В. Меня задел вопрос, что такое психическая реальность, существует ли она отдельно от философского дискурса. И здесь у меня получилось, что это, собственно, и есть разворачивание философского дискурса о мышлении, развёртывание мышления о мышлении. Т.е. через психическую реальность всё равно проговариваются структуры мышления. Это то, что мы постоянно пытаемся определить, но никто ещё из философов (попытки делали все) не смог определить вот так конкретно, что такое мышление. Т.е. мышление – это какой-то процесс, и, на мой взгляд, Фрейд предъявил одну из возможностей раскрытия мышления, или, вернее, он показал технику самоопределения мышления в структурах психической реальности. Так, собственно, у меня называется текст: «Самоопределение мышления в структурах психической реальности». Именно мышление проговаривается через психическую реальность. Я понимаю, что рискованно наделять психоанализ статусом философской концепции, но, на мой взгляд, психоанализ и философия чрезвычайно близки.

Шадрин А.А. Если мы следуем логике концепции Фрейда, если мы говорим о мышлении, то, по Фрейду, оно не *проговаривается* через психическую реальность, мышление *оговаривается* через неё. То, о чём Вы говорите, – это уже, собственно, разворачивание некой концепции, это уже интерпретация.

Полякова Н.Б. Да. Я бы сказала, что это не столько сам Фрейд, сколько попытка интерпретации, до-конструирования его концепции.

Яркеев А.А. Причём, обратите внимание, Фрейд говорит не о мышлении, он говорит о бессознательном, и это *нерефлексивная область*.

Шадрин А.А. Да, о бессознательном. А бессознательное – это область незнания, куда мы можем вкладывать всё, что угодно. Понятно, почему Фрейд наполняет бессознательное сексуальной энергией. – Потому что сексуальные отношения – это те отношения, без которых никаких других отношений в принципе существовать не может.

Соколова О.В. Да, конечно, это та самая биология.

Шадрин А.А. С одной стороны, сексуальные отношения, безусловно, есть, а с другой – их как бы и нет. Ж.-Л. Нанси об этом, в частности, пишет. Т.е. они обнаруживаются, когда мы начинаем их проговаривать, и тогда сексуальные отношения начинают существовать дискурсивно. В этом смысле они «есть», да. А в той самой действительности – они уже, скорее, не отношения, а определенные действия, например, «насильственные действия сексуального характера». Т.е. так они тоже определяются дискурсивно (юридически), но уже именно в качестве *действий*. Тут Славой Жижек вспоминается с его тезисом «любовь для меня – в высшей степени насильственный акт».

Яркеев А.А. И кроме того, если мы берем концепцию Фрейда, то она и предъявляет мышление самого Фрейда.

Соколова О.В. Конечно.

Яркеев А.А. Т.е. психоанализ вырастает из личного опыта самого Фрейда. Он самоопределяется как субъект в своей собственной психоаналитической концепции (бессознательного).

Шадрин А.А. Я еще раз вернусь к Делёзу, к его «Лекциям о Лейбнице», где он, говоря о Лейбнице, обращается к Джону Локку: «Локк – на лучших своих страницах – придумал концепт, который я назову английским словом «uneasiness». Это, грубо говоря, неловкость, неловкое состояние. И Локк пытается объяснить, что это и есть великий принцип психической жизни. <...> Локк, в общем и целом, говорит, что мы, вполне возможно, ищем свое удовольствие, ищем свое счастье; может быть, это и возможно, но это не так; существует своего рода беспокойство живого. Беспокойство – это и не страх, и не тоска. Лейбниц создает психологическое понятие беспокойства. Нашу «жажду» не утоляет ни удовольствие, ни счастье, ни страх; прежде всего, мы беспокойны. Нам не сидится на месте» (Ж. Делёз. Лекции о Лейбнице). Это ещё один концепт.

Соколова О.В. В подтверждение.

Шадрин А.А. Нет, это *разные* концепты. Если мы говорим о беспокойстве в психологической перспективе, то психологи пытаются как раз *снять, нейтрализовать* состояние беспокойства. Т.е. там – в психологии – беспокойство мыслится в негативном смысле. Локк же говорит о беспокойстве в позитивном смысле, – оно показывает на то, что мы ещё живы, живём чем-то внутри нас самих, нас ещё что-то беспокоит, – вот это *беспокойство живого*. И здесь также «подвисает» фрейдовский принцип удовольствия, поскольку удовольствие и счастье иллюзорны; тот же Жижек определяет счастье как *категорию рабов*. И то, что утверждает Локк, – это уже не психологическая концепция, а собственно философская, где негативность переводится в позитивность.

Полякова Н.Б. Я думаю, Ольга Владимировна, что какие-то вопросы могут быть сняты, возможно, отпадут, если мы обратимся к тому, как конструируется психическая реальность самим Фрейдом. Я понимаю, что Вы пытаетесь задать психическую реальность как философскую реальность. Но мы должны помнить о том, что когда речь идет о психической реальности, Фрейд чётко говорит нам об определении того, что такое психика. Психику он понимает как *динамическую* структуру. Когда мы говорим о динамической структуре, мы говорим прежде всего о некоем движении, как некоем действии, или отношении, пожалуйста, – это движение может быть определено по-разному. И тогда здесь совершенно чётко нужно понимать, что является основанием этих действий. Основанием этих действий может выступать как раз инстинкт, который почему-то исчез, пропал и не упоминается.

Соколова О.В. Он не пропал, он просто неговорен.

Полякова Н.Б. Да, неговорен, а он и задает, и структурирует автономность действия. А у Вас в докладе автономность действия предстает как некая негативность.

Соколова О.В. Почему именно негативность?

Полякова Н.Б. Потому что получается, что человек – это такой автомат, который должен воспроизводить какие-то определенные – сразу же заданные – речевые структуры. Хорошо это или плохо? Скорее, здесь нужно говорить о позитивной негативности, поскольку без таких речевых действий, воспроизводимых нами автономно, у нас бы не возникло понимания, общего понимания. А такие структуры, которые произносятся и воспроизводятся автономно всеми, есть.

Соколова О.В. Да, безусловно. Я об этом упомянула.

Шадрин А.А. Наверное, здесь уместна метафора языкового (или речевого) инстинкта. Он и вызывает – инициирует – речевые действия, или акты, воспроизводимые нами автономно, или «инстинктивно».

Полякова Н.Б. Да. И далее, Ольга Владимировна, я понимаю, что через обращение к ошибочным действиям, которые, по Фрейду, показывают на конфликт между некими несогласованными стремлениями, Вы пытаетесь обратиться к мышлению. Но мышление оказывается у Вас одновременно и субъективным, и иррациональным (как бы «бессознательным»), и принадлежащим, и не принадлежащим «Я». Оно – мышление – «больше» сознающего «Я»?

Соколова О.В. Да, мышление «больше», превышает сознание «Я».

Полякова Н.Б. Тогда, наверное, нужна структура, где бы был чётко представлен механизм, или принцип, работы мышления, безусловно, в Вашем понимании. И тогда необходимость обращения к психоанализу Фрейда – поскольку Вы к нему обращаетесь – будет более понятна, более прозрачна.

Соколова О.В. Да, согласна. Но я сразу оговорила, что текст выступления ещё не до конца выстроен и его основные положения конечно же нуждаются в более тщательном осмыслении и развёртывании.

Шадрин А.А. Я бы хотел вернуться к мысли, высказанной Ольгой Владимировной в отношении различия между концепциями Декарта и Фрейда: если у Декарта мышление оказывается трансцендентным, принадлежит Богу и проговаривает себя через мыслящего субъекта, то у Фрейда структуры мышления помещаются «внутри» глубин человеческого бессознательного. Правда, начинают ли они при этом принадлежать самому человеку – это, скорее, вопрос. Мы можем выделить, как минимум, две позиции, или точки зрения. Согласно первой, третья коперниканская революция Фрейда явилась третьим же унижением достоинства человека (первое унижение – открытие Коперника, второе – эволюционная теория Дарвина), поскольку отныне человеческий разум уже не может претендовать на статус «мастера в своем доме». Т.е. на статус управляющий, контролирующей и/или регулирующей, – он больше не является высшей инстанцией.

Мы можем задать и вторую позицию. По мысли Франца фон Баадера, тезису Декарта должен быть противопоставлен тезис “*Cogitor (a Deo), ergo sum*” – «мыслюсь (Богом), следовательно, существую». Но Баадер, в моём понимании, не противоречит Декарту, он лишь «дополняет» декартов тезис, т.е. разворачивает его до полноты, следуя логике картезианского концепта, – «мыслюсь Богом, следовательно, мыслю, следовательно, существую». О чём, собственно, и говорит Ольга Владимировна. И тогда Фрейд, пытаясь помыслить человеческое бессознательное, действительно совершает революционный «переворот», но уже в противоположном – позитивном – смысле. Т.е. он не «унижает» человека, а всего лишь задаёт новую психоаналитическую, или философско-психоаналитическую, традицию. Ведь мы прекрасно знаем, что из Фрейда «вырастает» Жак Лакан, а из Лакана – весь французский постструктурализм и постмодернизм, я уже не говорю о Жижеке. Кстати, и мы с вами, уважаемые коллеги, также имеем какое-то отношение к этой традиции. И это неоспоримо.

На мой взгляд, вопрос в том, не является ли фрейдовское бессознательное изнанкой мышления Бога. Отличается ли чем-то бессознательное, как область незнания, от абсолютного божественного знания, доступ к которому также закрыт? Различимы ли абсолютное знание и, по сути, столь же абсолютное незнание? Понятно, что в обоих случаях мышление пытается обратиться к собственному началу, или истоку. Но тот же Лакан, перечитывая Фрейда (не без «опоры» на Мартина Хайдеггера), утверждает: бессознательное структурировано как язык. По мысли Хайдеггера, язык приводит в движение мышление. И Хайдеггер пытается говорить о мышлении языка. Но тогда вопрос об истоке мышления отсылает нас к вопросу об истоке языка. Но этот вопрос – отдельная тема, которой, я надеюсь, мы посвятим какую-то из наших встреч.

Полякова Н.Б. Хорошо, Алексей Анатольевич, ловлю Вас на слове и на мысли. Пусть тема мышления языка, тема чрезвычайно интересная, послужит поводом для нашей следующей встречи.

Поступила в редакцию 30.11.2018

Полякова Наталья Борисовна, кандидат философских наук, доцент;
заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: midies@mail.ru

Скобелева Вероника Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры журналистики Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: Skver-774@yandex.ru

Соколова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, доцент;
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: yandelf@yandex.ru

Шадрин Алексей Анатольевич, кандидат философских наук, доцент;
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: shadrin1971@gmail.com

Яркеев Алексей Владимирович, кандидат философских наук, доцент; старший научный сотрудник
Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН
426034, Россия, г. Ижевск, Ул. Ломоносова, 4
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

N.B. Polyakova, V.V. Skobeleva, O.V. Sokolova, A.A. Shadrin, A.V. Yarkeev

THE SPACE OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE: CONCEPTS AND INTERPRETATIONS

The work of the 4th round table "Philosophy: hermeneutics of concepts" is devoted to the theme "The space of humanitarian knowledge: concepts and interpretations". The presented topic allows to consider various conceptual constructions, in which the starting point is the problem of thinking, its grounds and ways of self-detection. O.V. Sokolova addressed the beginning of the psychoanalytic tradition – the psychoanalytic concept of Z. Freud, the main provisions of psychoanalysis and the concepts of psychoanalytic discourse. The concept of the unconscious is revealed through an appeal to the concept of erroneous action and its situational and linguistic manifestations. The possibility of interpreting the meaning of an erroneous action is realized at the point of self-reflection of thinking, which distinguishes between what is spoken and not pronounced in the border registers of consciousness, the subconscious and the unconscious. An attempt is made to rethink the concept of mental reality in the aspect of its philosophical actualization and / or explication. The psychoanalytic tradition is understood as a way of discursive presentation of the structures of thinking in the space of constructed reality.

Keywords: philosophy, thinking, concept, meaning, interpretation, psychoanalysis, unconscious, erroneous actions, symptom, conflict, mental reality, language.

Received 30.11.2018

Polyakova N.B., Candidate of Philosophy, Head of the Department of philosophy and humanities
Udmurt State University, Institute of History and Sociology
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: midies@mail.ru

Skobeleva V.V., Candidate of Philosophy, Senior lecturer of the chair of journalism
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: Skver-774@yandex.ru

Sokolova O.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor at Department of philosophy and humanities
Udmurt State University, Institute of History and Sociology
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: yandelf@yandex.ru

Shadrin A.A., Candidate of Philosophy, Associate Professor at Department of philosophy and humanities
Udmurt State University, Institute of History and Sociology
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: shadrin1971@gmail.com

Yarkeev A.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior researcher
Udmurt branch of Institute of philosophy and law, Ural division of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru